

DOI: 10.7868/S0869587315090054

Автор исследует генезис ключевых понятий теории общества знаний — их происхождение, взаимосвязь, изначальное содержание и проблемы датировки. Дана экспликация основных положений теории общества знаний, возникших в 1940–1960-х годах. Показано, что концепция общества знаний возникла раньше, чем теоретические разработки в области информационного и постиндустриального общества.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЙ

А.О. Карпов

После выхода статьи «“Товаризация” образования против общества знаний» [1] автор получил немало откликов по поводу происхождения, взаимосвязи, изначального содержания и времени возникновения понятий “общество знаний”, “индустрия знаний”, “экономика знаний” и т.д. Все эти понятия принадлежат концептуальному ядру теории общества знаний, однако в научной литературе имеются весьма существенные расхождения в их трактовке, выдвигаются различные версии, содержатся противоречивые и неточные сведения. Пришлось обратиться к первоисточникам и провести весьма трудоёмкое исследование, результаты которого изложены в настоящей статье. Автор надеется, что она будет полезна как с точки зрения установления истины относительно генезиса теории общества знаний, так и для понимания того, в какой исторической точке социального развития находится сейчас наше общество.

Возникновение системы понятий, описывающих общество знаний, связано с именами двух

крупнейших учёных — Питера Друкера¹ и Фрица Махлупа. Друкеру принадлежит решающая роль в создании теории общества знаний, которая стала итогом его 25-летней исследовательской программы. В его трудах, вышедших в 1940–1960-х годах, разрабатываются социально-философская и экономическая концепции, объясняющие суть понятия “общество знаний”. Введение в научный оборот терминов “общество знаний” (knowledge society) и “экономика знаний” (knowledge economy) я отношу к 1968 г., когда вышла книга Друкера “Эпоха разрыва: ориентиры для нашего быстро меняющегося общества”. Часть 4 этой книги так и называется — “Общество знаний”, а глава 12, входящая в эту часть, — “Экономика знаний” [2, р. 245–355]. Н. Стер пишет, что «Друкер был первым, кто конкретно упоминает “общество знаний”» [3, р. 10 (Note 2)].

В декабре того же года в сборнике “Индикаторы социальных изменений” выходит работа Д. Белла “Измерение знаний и технологий”, содержащая раздел “Структура общества знаний” (в 1973 г. этот раздел перекочевал в его книгу “Грядущее постиндустриальное общество”). В публикациях Белла термин “общество знаний” используется в качестве характеристики постиндустриального общества [4, р. 198–201].

КАРПОВ Александр Олегович — кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

a.o.karpov@gmail.ru

¹ В русскоязычном дискурсе используются два варианта произношения и написания фамилии Drucker — как Друкер и как Дракер. Специалисты по лингвистике, любезно проконсультировавшие автора, указывают, что вариант Друкер — это традиционное европейское произношение, основанное, вероятно, на происхождении учёного (он австриец). Между тем современные российские источники после середины 1990-х годов употребляют второй, то есть американский вариант прочтения. Возможно, это лингвистическая тенденция к американизации научного дискурса, характерная для России. В данной статье используется исторически сложившееся европейское произношение — Друкер.

Книга Махлупа “Производство и распространение знаний в США” (1962) представляет собой первое обширное статистическое исследование того, что он назвал индустрией знаний (knowledge industry). Некоторые российские и зарубежные исследователи полагают, что в этой книге Махлуп ввёл термин “экономика знаний” [5, р. 5; 6, с. 450]. Между тем в ней отсутствует словосочетание “knowledge economy”. В этом и последующих своих трудах Махлуп анализирует именно индустрию знаний, то есть производственную часть экономики. Я не нашёл термин “экономика знаний” и производные от него, включая “индустрию знаний”, и в более ранних работах Друкера, в том числе в книге “Эффективный руководитель” (1967), на счёт которой высказывается мнение, что здесь впервые был использован данный термин [7, с. 105].

Введение идеи и термина “общество знаний” часто приписывают американскому политологу Р. Лейну: в публикации 1966 г. он рассматривал гипотетическую модель снижения значения политики и идеологии в условиях интенсивного роста науки и образования в современном ему обществе [8]. Так поступают, например, Белл [4, р. 162; 9, р. 176] и ряд других специалистов [10, р. 10; 7, с. 98]². Однако Лейн использует термин “knowledgeable society”, а не “knowledge society”. Кроме того, сочетание слов “knowledgeable” и “society” встречается до выхода статьи Лейна в упомянутой выше книге Махлупа [12, р. 123], на которую неоднократно ссылаются и сам Лейн. Друкер употребляет термин “knowledgeable” достаточно часто и задолго до публикации Лейна, например в книге “Ориентиры будущего” (1957) [13, р. 54, 146].

Понятие “knowledgeable society” можно перевести как “знающее общество” (другие варианты перевода – общество, обладающее знаниями, общество интеллектуальное, умное, сведущее, информированное и т.д.). Знающее общество, по мнению Лейна, характеризуется наличием большого объёма знаний и количества людей, делающих бизнес на знаниях. Он даёт определение пяти видам деятельности, которыми члены этого общества занимаются больше, чем другими. Суммировать его весьма расплывчатое описание

² Стер первоначально тоже придерживался последовательности приоритетов, заданной указанными выше публикациями Белла. В своей книге “Общество знаний” (1994) он упоминает статью Лейна, однако, в отличие от Белла, лишь акцентирует использование концепта “knowledgeable society” в связи с “растущей актуальностью научного знания для общества” и прямо не приписывает Лейну приоритет в выдвижении идеи и термина “общество знаний”. Далее, обращаясь к книге “Эпоха разрыва”, Стер пишет, что Друкер «также употребляет термин “общество знаний”» [11, р. 5], и это не вписывается в логику его изложения. В 1999 г., Стер отдаёт приоритет в научном использовании термина “общество знаний” Друкеру.

можно кратко: поиск знаний, получение знаний из знаний, использование знаний, ресурсное обеспечение этих процессов и логическая рационализация мышления [8, р. 650]. Лейн настаивал на исключительно эпистемологическом характере данной им дефиниции, определяющей свойство индивидуального мышления быть в состоянии “узнавания” (knowing), оставляя в большей степени за кадром социальную систему, экономику и культуру [8, р. 649–652]. По сути дела, Лейн предпринимает попытку экстраполяции свойств индивидуального мышления на систему организации и функционирования общества. С моей точки зрения, делать подобные выводы об устройстве системы производства знаний и общества – почти то же самое, что пытаться определить организацию прудовольственной индустрии, опираясь на свойства пищеварительной системы.

Именно в основополагающих работах Друкера и пионерском труде Махлупа формулируется идея и разворачивается концепция нового общества – общества знаний. С этим огромным исследовательским массивом несколько предложений из статьи Лейна просто не могут быть поставлены в один ряд. Кроме того, Друкер даёт характеристику нового общества под углом зрения производящей роли знаний значительно раньше Лейна.

Дж. Б. Рул и Я. Безен рассматривают заявления Лейна в русле утопических идей А. Сен-Симона. Они говорят, что “радикальные идеи Лейна не более чем артикуляция широко распространённого в 1960-х годах просвещенческого воззрения об отношениях между экспертным знанием и управлением (властью)”. Их утопизм базируется на убеждении, что “самые, казалось бы, неразрешимые социальные дилеммы могут быть решены путём предоставления достоверной информации”. Сегодня огромные инвестиции в информацию идут на поддержку деятельности, которая отнюдь не способствует, как полагал Лейн, “хорошей осведомлённости” и обеспечению рационального и аналитического мышления. “Современные роли информации – от рекламы до порнографии и чистого развлечения – имеют целью посредством себя запутать, парализовать или просто отвлечь человеческое мышление” [14, р. 321, 322, 330].

В наши дни в научном, общественном и политическом дискурсах термины “общество знаний” и “знающее общество” часто употребляются в принципиально разных смыслах. В первом случае акцентируется производящая роль знаний в экономике и социальной сфере, во втором – доступность образования. Термин “знающее общество” активно используется в политических кругах развивающихся стран. Например, на выборах в Фиджи летом 2014 г. политики говорили, что построение “знающего общества” основывается на политической повестке дня и предполагает “бесплатное обучение в системе начального, среднего и высшего образования” [15].

Развитие представлений об обществе знаний связано также с формированием социально-философских концепций информационного и пост-индустриального общества.

Попытки измерить рост информационного общества предпринимались в Японии с начала 1960-х годов [16, с. 16]. В 1963 г. понятие информационной индустрии рассматривается в статье японского историка и антрополога Т. Умесао [17]. В 1970-е годы концепт “информационная экономика” исследует в докторской диссертации М.У. Порат, а результаты публикует в девятинадцатом труде, вышедшем в 1977 г. [18].

По мнению В.Л. Иноземцева, термин “информационное общество” введён почти одновременно Умесао и Махлупом [19, с. 20, 21, 39]. Умесао не является автором этого термина. А в книге “Производство и распространение знаний в США”, на которую обычно ссылаются, Махлуп нигде не использует термин “информационное общество” (information society). Более того, он настаивает на применении для характеристики нового социального состояния термина “знание”, а не “информация”, предпочитая «использовать, когда это возможно, слово “знание” для обычного значения термина “информация”». Этой позиции он придерживается вплоть до последнего в своей жизни фундаментального многотомного труда “Знание: его создание, распространение и экономическое значение” (1980–1984). Слово “информация” Махлуп употребляет лишь во вспомогательном значении — как характеристику отдельных элементов индустрии знаний [12, р. 8, 14, 207, 295].

Фундаментальная интенция концепции индустрии знаний Махлупа есть производство знаний, что требует отнесения её к теории общества знаний, а не к теории информационного общества. Данный тезис подтверждает использование Махлупом базисного понятия теории общества знаний — “работники, производящие знания” (knowledge-producing workers) [12, р. 12, 383, 392], которое использует Друкер в форме “работник знаний” (knowledge worker).

Развёрнутое социально-философское исследование общества знаний (включая экономику знаний) первым предпринял Друкер. Уже «в работе “Будущее индустриального человека” (1942) чётко показано, что индустриальное общество <середины XX в.> структурно отличается от общества XIX и начала XX столетия, оно имеет другие вызовы, другие ценности, другие возможности» [20, р. 11]. В 1940–1960-х годах Друкер выдвигает концептуальные положения, которые сформировали основу теории общества знаний и стали ориентиром для исследователей. Системообразующую роль при этом играет понятие “работник знаний”.

Друкер пишет, что он “был первым, кто увидел работу знания (knowledge work) и работника зна-

ний (knowledge worker)”. Термин “работник знаний” он использует в эпилоге 1962 г. к книге “Новое общество”, вышедшей в 1950 г., где говорит об особом назначении работника знаний. Этот работник, скажет он позже, в 1993 г., “стал центром общества в последующие 10–15 лет”. В упомянутой книге, по словам Друкера, он даёт “систематический, органический анализ — как теоретический, так и практический — <современного ему> индустриального общества, его составных элементов, его основных институтов, его социальных характеристик, его проблем и его будущего”; он “пытается поставить человека в этот социальный контекст” [21, р. xi, xii, 357]. Именно из этой интенции возникает его “работник знаний”.

В научной литературе встречается утверждение, что Друкер ввёл термин “работник знаний” в работе “Ориентиры будущего” (1957)³. Я не нашёл этого термина в данной работе, зато в ней встречается словосочетание “обладающий знаниями человек” (knowledgeable man), а также “люди/человек знаний” (men/man of knowledge)⁴. Возникновение новых представлений о необходимых качествах работника Друкер относит к 1942 г., когда вышла его книга “Будущее индустриального человека” [21, р. xi], причём её ключевые главы, как он отмечает, были написаны в 1940 г. [20, р. 11].

Работник знаний более, чем работник физического труда, нуждается в менеджерском видении, полагает Друкер. “Его новые навыки не являются навыками ручного труда, хотя их использование может быть названо механическим. Они являются в основном интеллектуальными навыками, в их числе — знание инженерных принципов, черчения, математических разделов, технологии производства и т.д.”. Таким образом, новые умения работника есть “технические и теоретические — знание принципов и процессов”, а также социальные умения, в частности, организации работы в группе. «Новое “умение” требует способности увидеть, понять и даже создать модель, что по определению является творческой способностью почти художественного порядка». Основой новой работы “является скорее интеллектуальная способность, чем мастерство” [21, р. 23, 43, 184, 357].

Важно понимать, что термин “работник знаний” не является эквивалентом термина “работник умственного труда”, хотя очень часто и неуместно переводится именно так. Друкер пишет, что высококвалифицированные работники при обслуживании авиационной техники будущего,

³ Д.В. Ефременко, ссылаясь на книгу “Ориентиры будущего”, пишет, что Друкер ввёл этот термин в 1959 г. [22, с. 67]. Я использую издание, в выходных данных которого сказано “Originally published in 1957 by Harper&Row, Publishers”.

⁴ Термин “человек знаний” использовал ещё в 1940 г. Ф. Знанецкий в книге “Социальная роль человека знаний” (“The Social Role of the Man of Knowledge”).

“работая... руками, будут применять знания, а не навыки. Руководства, диаграммы и тексты будут значить для них не меньше, чем значат для кустика традиционные ручные инструменты”. Я привожу эту выдержку из перевода на русский язык книги Друкера “Эпоха разрыва”, в котором произведена упомянутая выше терминологическая подмена [23, с. 229, 230]. В предшествующем этой цитате тексте Друкер говорит именно о рабочих знаниях (knowledge worker) [2, р. 250, 251]. Ясно, что работа авиационных техников никак не может быть отнесена к сфере умственного труда. Это труд, в основе которого лежат теоретические знания, имеющие научный статус, а участник этого труда – “работник знаний”, то есть, как переводит это понятие Ефременко, “специалист по работе со знаниями, или когнитивный работник” [22, с. 67].

Терминологический ряд, характерный для концепции общества знаний, развивается в работе Друкера “Ориентиры будущего: доклад о новом постмодерном мире” (1957). В этой работе находят своё развитие темы “знаниевая работа” (knowledge work), “знаниевый труд” (knowledge job), “люди знания” (men of knowledge). По мнению автора, знание – “единственный реальный капитал сегодня”; а количество, качество и использование образованных людей является “наиболее значимым показателем мощностей страны, производящих богатство”. Наряду с природными ресурсами и промышленными предприятиями “обучающие мощности... становятся решающим фактором в международной торговле, экономическом развитии и экономической конкуренции” [13, р. 120, 122]. Через 10 лет в книге “Эффективный руководитель” Друкер утверждает, что «работник знаний есть главный “фактор производства”, благодаря которому высокоразвитые общества и экономики сегодняшнего дня – США, Западная Европа, Япония, а также всё более Советский Союз становятся и остаются конкурентоспособными, причём система измерений и проверок, которая разработана для индустриального труда, не применима к работе со знаниями» [24, р. 4, 5].

Чтобы подчеркнуть роль образования в новом обществе, Друкер говорит о нём в книге “Ориентиры будущего” как об обществе, в основу существования которого положено образование (глава 5 книги так и называется “Educated Society”). Для характеристики участников этого общества Друкер употребляет термин “человек, обладающий знаниями и умеющий их использовать” (knowledgeable man) [13, р. 54, 146, 156]. Именно в таком контексте позднее приводит данный термин Лейн, определяя своё “знающее общество”.

Друкер пишет, что образование есть исключительный по значимости источник, который может дать конкурентные преимущества обществу и экономике и который способен сделать работни-

ка знаний продуктивным. Такой работник “становится главной инвестицией, а для образования – самой дорогой инвестицией из всех” [24, р. 5, 171, 172]. В конце 1960-х годов, когда шла война во Вьетнаме, расходы на образование в США превышали затраты на оборону, за предшествующее десятилетие они выросли в 2 раза [2, р. 291].

В 1968 г. в книге “Эпоха разрыва” Друкер декларирует необходимость нового подхода к образованию: оно должно формировать «универсальное умение, которое состоит в использовании знаний и их систематическом приобретении как основы для эффективности, квалификации и достижений... Когда знания используются в работе, необходимо непрерывное образование... Уже сегодня обычным является устаревание знаний любого инженера через 10–15 лет после окончания учебного заведения, и он возвращается в вуз на “переподготовку”» [2, р. 298–300].

В 1957 г. в книге “Ориентиры будущего” Друкер рассматривает ближайшее будущее общества через призму инновационного развития (глава 2 книги называется “От прогресса к инновациям”). Общество должно перейти от концепции прогресса к концепции инновации. Инструменты такого организованного “прыжка в неизвестность” – научные, а в их основе лежит творческое воображение. В образовании должна быть включена идея опережающего обучения. “Поскольку мы живём в эпоху инноваций, – пишет Друкер, – практическое образование должно подготовить человека к такой работе, которая ещё не существует и которая не может быть чётко определена” [13, р. 18, 129].

В докладе ЮНЕСКО “К обществам знания” (2005) концепция обучения в течение жизни связывается с понятием “обучающееся общество” (learning society), введение которого авторы доклада относят к работам Р. Хатчинса (1968) и Т. Хусена (1974) [25, с. 59]. Между тем в книгах Друкера “Ориентиры будущего” и “Эпоха разрыва”, как я показал, описание “образованного общества” (educated society) содержит чётко сформулированные представления об опережающем обучении и непрерывном образовании.

Инновации позволяют управлять технологическим развитием, потому что изменения можно предсказать, говорит Друкер. Такой подход формирует также новую способность к нетехническим инновациям в обществе и экономике. Следовательно, “инновации есть больше, чем новый метод. Это – новый взгляд на мир... на роль человека в мире”, когда “вместо утверждения человеческой власти происходит принятие ответственности человека” [13, р. 19, 23].

Посредством инноваций создаётся “новая взаимосвязь между чистыми и прикладными исследованиями”. Так, результаты фундаментальных исследований, полагает Друкер, имеют наибольшее

влияние на инновации. В свою очередь, применение фундаментальных знаний в форме инновации способно раскрыть потребность в новых фундаментальных знаниях. Отсюда берёт начало круговой процесс: фундаментальная наука — прикладные исследования — инновации. В связи с трудностями в предсказании будущего “инновации... должны иметь большой процент неудач”. Однако особый социальный риск заключён в попытках предотвратить инновации или проигнорировать их. Систематически организованная инновационная деятельность должна опираться на “децентрализованное, автономное, конкурирующее планирование для всех инноваций — технологических, стратегических и социальных” [13, p. 25, 48–55].

Необходимо отметить актуальность для современной социально-политической ситуации комплекса идей об инновационной системе общества, которые разработаны Друкером почти 50 лет назад. Эти идеи особенно важны для современной России, в которой на языке инноваций стали говорить лишь в начале 2000-х годов.

В числе основных открытий своей книги “Ориентиры будущего” Друкер называет “движение знания как новый главный ресурс” развития и возникновения плюралистического общества организаций [13, p. xi]. Возможно, впервые, отмечает автор, трактовка социальных институтов как организаций была использована в 1946 г. в его книге “Концепция корпорации”, написанной на основе двухлетних исследований в компании “General Motors”. По его словам, тогда он ещё не видел, так же, как и другие, что индустриальное общество уже было обществом организаций, а не обществом индустриальных организаций, “причём даже сейчас (в 1995 г.) многие пишущие на эти темы, особенно экономисты, видят в качестве организаций только правительство и бизнес, но не видят все остальные организации — университет, больницу, профсоюз, церковь (и многие другие), через которые современное общество выполняет свои социальные функции и организует решение своих социальных задач” [20, p. 10, 11].

Друкер далеко выходит за рамки анализа бизнес-корпорации, переносит корпоративные модели на организационное устройство социума. Выступая против экономического детерминизма, он пишет, что “суть и цель корпорации не в хозяйственной деятельности и формальных правилах, но в человеческих отношениях как между членами корпорации, так и между корпорацией и гражданами за её пределами... Даже технические проблемы современной индустрии не являются техническими в смысле создания новых устройств, прежде всего они являются проблемами человеческой организации под углом зрения технической цели. Проблемы современной корпорации есть в первую очередь проблемы социальной организации и разработки её социальной структуры” [26, p. 13, 21–25].

В “Эпохе разрыва” Друкер посвятил обществу организаций четыре главы, которые составляют отдельную часть книги (она так и называется “Общество организаций”). Учёный полагает, что “современная организация... это преимущественно организация, основанная на знаниях, в которой многосторонние знания собираются для достижения результатов”. Это очень важный и новый фактор, определяющий развитие общества. Кроме того, “все наши главные социальные функции сегодня выполняются в этих больших, организованных институтах и посредством них”. Эти организации «универсальны... ни одна из них не определяется территориально, они взаимозависимы, и поэтому их основная проблема — это проблема коммуникаций... Политологи имеют обыкновение говорить о “сети” управления, но это, скорее, “войлок” со спутанными разнородными нитями... Это сложная и запутанная структура» [2, p. 165, 169, 172–174, 225].

Друкер высветил проблему, которая нашла своё эффективное решение через 20 лет с созданием глобальной коммуникационной сети Интернет, которая была реализована на основе сети Arpanet, разработанной Министерством обороны США на случай ядерной войны с Советским Союзом, и к середине 1990-х годов имела примерно 20 млн. пользователей, число которых экспоненциально росло [27, с. 30].

Общество взаимосвязанных организаций Друкера стало сетевым обществом, концепцию которого предложил М. Кастельс в первой книге своего трёхтомного труда “Информационная эпоха”, вышедшей в 1996 г. Социальная структура информационной эпохи, пишет Кастельс, создаётся “сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство”. Новая “матрица организационных форм в процессе производства, распределения и потребления” начинает формироваться в результате экономического кризиса 1970-х годов. Сети становятся фундаментальным материалом, “из которого новые организации строятся и будут строиться”; мелкие и средние фирмы связываются с крупными корпорациями, “формируя сети, способные неустанно вводить инновации и осуществлять адаптацию”, а сами корпорации образуют горизонтальную структуру, в которой происходит “децентрализация её единиц и наделение каждой из этих единиц растущей автономией” [27, с. 157–171, 505]. Почти за 20 лет до выхода в свет книги Кастельса такого рода децентрализацию и автономно предвидел Друкер [2, p. 226, 227].

Во многом недооценённая социальными исследователями теория общества организаций Друкера содержит концептуально важную для теории общества знаний идею. Формы организаций, производящих свой тип знания, по сути,

определяют фрагментацию социальной структуры по отношению к системе производства знаний общества. Растущее производство знаний стимулирует развитие социальной структуры, действующей как система когнитивно-ролевых комплексов [28, с. 6–8].

В 1968 г. в “Эпохе разрыва” Друкер суммирует многое из сказанного им ранее о новом обществе и проекте его социально-экономического развития. Для названия этого общества он использует термин “knowledge society” – “общество знаний”. Мы не имеем свидетельств более раннего возникновения этого названия. С целью обоснования своих социально-философских концептуализаций Друкер привлекает данные, опубликованные Махлупом в труде “Производство и распространение знаний в США” (1962).

Русский перевод “Эпохи разрыва” [23] имеет существенные терминологические несоответствия тексту оригинала. Например, заглавие части 4 книги “The Knowledge Society” переведено как “Информационное общество”, название главы 12 “The Knowledge Economy” – как “Информационная экономика”, а выражение “knowledge sector” (“сектор производства знаний”) – как “информационный сектор” [23, с. 225, 227]. Замены встречаются во всём переведённом тексте. Некритическое отношение читающих к переводу, как представляется, повлекло за собой необычайно широкое и нежелательное использование знака равенства между концепциями общества знаний и информационного общества в российском научном дискурсе. Вписывание Друкера в информационную парадигму характерно и для западных источников. Так, Рул и Безен пишут, что Друкер как мыслитель информационного общества заявляет о “начале нового этапа социальной эволюции; этапа, отмеченного новой социально-экономической ролью информации” [14, р. 322].

В “Эпохе разрыва” Друкер определяет главную силу современных ему и грядущих социально-экономических перемен. Речь идёт об “утверждении знания как основы общества, фундамента экономики и социального действия” в современном мире [2, р. 326]. Друкер даёт весьма развёрнутые характеристики нового общества в своих трудах 1940–1960-х годов. Можно чётко выделить четыре теоретических пространства, в которых он концептуализирует (понятийно определяет) и раскрывает представление об обществе знаний – социологическое, эпистемологическое, экономическое и политологическое. Вычленим главную часть этих концептуализаций и сконструируем определение общества знаний по Друкеру, опираясь на предшествующее рассмотрение и текст “Эпохи разрыва”.

Социологически общество знаний характеризуется особой социальной структурой – организациями, которые используют и производят зна-

ния, включая систему их сетевого взаимодействия [2, р. 169, 173]. Это основанные на знаниях профессии и новая система разделения труда, базирующаяся на отношении к знанию и имеющая в качестве своего основного актора работника знаний. Это новая образовательная система, обеспечивающая воспитание талантов для экономики знаний, подготовку работника знаний к той работе, которая ещё не существует (опережающее обучение), его переподготовку в течение всей жизни (непрерывное образование) и, как следствие, мобильность новой рабочей силы [2, р. 114, 268, 286, 300, 306].

Эпистемологически общество знаний определяется через развитие особых качеств человеческой психики, мышления, а также эпистемологической функции организаций и производственной системы. Человек должен научиться тому, как нужно учиться, причём делать это постоянно, использовать знания для приобретения навыков, применять знания на практике [2, р. 251–253, 286]. Мышление работника знаний должно быть продуктивным, он должен иметь развитое воображение, быть мотивирован к систематическому поиску новых знаний, понимать и предсказывать направление технологических изменений [2, р. 40, 43, 67]. Современная организация должна создавать и вводить новшества, а производственная система – разрабатывать стратегии развития и формировать новую базу знаний. Новая производственная основа общества (новые отрасли) базируется на знаниях, а не на опыте; в свою очередь, знание является центральным фактором производительности [2, р. 36, 37, 46, 51, 154].

Экономически общество знаний есть система использования знания в качестве основного ресурса хозяйствования и развития индустрии, которая производит товары и услуги с высоким “знаниевым” содержанием. Научное производство распределяется в университетских лабораториях и вырастает из них [2, р. 67, 167]. Знание становится главным экономическим активом, рынок технологий, патентов и лицензий – инструментом экономического роста, а научные исследования – объектом коммерциализации [2, р. 37, 46, 334]. Тем самым происходит переход от экономики товаров к экономике знаний, в которой продуктивность знаний есть ключ к производительности, конкурентоспособности и экономическому успеху, а инновации и инновационные организации обеспечивают экономическое развитие [2, р. 51, 247, 248].

Политологически общество знаний определяется тем, что “у знания есть власть”. Учёные и специалисты влияют на действия правительства. Знания становятся ключевым фактором в международном экономическом превосходстве стран, основой эффективности политических решений. «Значительна вероятность того, – говорит Друкер, – что великие новые “измы” завтрашнего дня будут являться идеологиями относительно знаний» [2, р. 248, 346, 348].

Таким образом, Друкер предвосхитил многие аспекты социально-философской и экономической проблематики, которые актуальны и активно разрабатываются сегодня.

Экономическая составляющая общества знаний была впервые подробно статистически исследована в пионерском сочинении Махлупа “Производство и распространение знаний в США” (1962), основная работа над которым пришла на вторую половину 1950-х годов [29, р. xvi–xviii]. В этом труде Махлуп сделал революционное открытие. Он показал, что американская индустрия знаний в середине XX в. производит почти 29% валового национального продукта (ВВП), её темпы роста за предшествующее десятилетие в 2.5 раза превышают среднюю скорость роста других составляющих ВВП, а 42.8% населения страны заняты работой со знаниями. “Никто не ожидал, – писал позднее Махлуп, – что производство знаний в США имеет тот порядок величины, который рассчитан мной для 1958 года... Открытие относительно большого объёма и огромного роста производства знаний дало толчок многим исследованиям в области экономического развития”. При таком темпе роста, прогнозировал Махлуп, “доля производства знаний в общей деятельности скоро достигнет 50%”. Исследования Пората (1977) показали, что в 1967 г. объём информационного производства в США составил 46.2% ВВП [29, р. xxvi–xxviii].

Махлуп разрабатывает именно теорию индустрии знаний (“knowledge industry”), термин “экономика знаний” (“knowledge economy”) практически не встречается в его работах. Более того, во введении к своему итоговому многотомному труду “Знания: их создание, распространение и экономическое значение” (1981–1984) он говорит, что его работа “не претендует на роль трактата об экономике знаний и информации. Она посвящена лишь части вопросов, включённых в эту новую область экономической науки... экономические теории образования, исследований и разработок являются новыми областями специализации, которые сейчас развиваются” [29, р. 5, 21].

В этом разграничении важно иметь в виду, что понятие “индустрия” (лат. *industria* – деятельность, усердие) традиционно определяется как часть экономики, включающая в себя производство, сбыт товаров (в том числе услуг как товара), потребительскую аудиторию. К концу XX в. значение термина “индустрия” вобрало в себя, помимо промышленности, также производство продовольствия, кинематограф, туризм, модельный бизнес и т.д. Понятие “экономика” (греч. *οίκος* – дом, хозяйство; *νόμος* – правила, теория хозяйствования) выражает хозяйственную организацию общества, включая хозяйственную деятельность, отношения производства, распределения, обмена. Экономика в самом общем плане

понимается сегодня как система обеспечения и воспроизводства жизни людей, организованная совокупность средств материального и духовного миров, используемая в хозяйственной жизнедеятельности общества.

Главная задача труда Махлупа, как он её представляет, – это “развитие концептуальной основы для анализа производства знаний”, которое есть “область экономической деятельности”. Махлуп не рассматривает производство знаний только как сектор экономики или производства – штамп, который получил распространение. Феномен производства знаний может выступать и в этом качестве; вместе с тем он относится также к другим, внеэкономическим сферам социальной деятельности и, кроме того, имеет двойственный характер, проявляющийся через тип продукта и тип труда. Выражение “производство знаний” включает в себя не только открытие, изобретение, конструирование (проектирование) и планирование, но также их распространение и коммуникацию [12, р. 7, 9, 10, 44]. Используемая Махлупом система базовых концептуализаций позволяет однозначно отнести разработанную им теорию к парадигме общества знаний.

В 1973 г. выходит в свет работа Белла “Грядущее постиндустриальное общество”, в которой он пытается соединить в идее постиндустриализма концепции общества знаний Друкера, индустрии знаний Махлупа и информационной индустрии Умесао, а также последующие разработки японских и западных учёных. Термин “постиндустриальное общество”, равно как и понятия “общество знаний” и “индустриальное общество”, не принадлежат Беллу.

Традиционно считается, пишет Иноземцев, что термин “постиндустриальное общество” введён в научный оборот в 1958 г. американским социологом и юристом Д. Рисменом, хотя ещё в 1914 г. его использовал (однако в другом смысле) живший тогда в Великобритании теоретик индийской культуры А. Кумарасвами, а в 1917 г. – теоретик английского либерального социализма А. Пенти [19, с. 16]. В 1960-е годы этот термин употребляют и другие авторы [30, р. 14].

В работе А. Даффа “Исследования информационного общества” (2000) показано, что претензии на американское происхождение термина “информационное общество” безосновательны, а предположение о неявном присутствии идеи “информационное общество” в книге Махлупа “Производство и распространение знаний в США” не выдерживает критики. Более чем вероятно, что Умесао находился под влиянием работы Махлупа, однако по вполне понятным причинам (понятие “индустрия” отнюдь не эквивалентно понятию “общество”) он также не может быть причислен к ряду первооткрывателей этого термина [31, р. 2, 5].

Многие, например Л. Карваликс в своей книге “Пространства информационного общества”, ссылаются на разговор известного архитектора К. Курокавы и не менее известного историка и антрополога Т. Умесао, который состоялся в 1961 г. и во время которого была использована японская версия понятия “информационное общество” [30, р. 14]. Однако такое свидетельство явно недостаточно для утверждения приоритета.

По результатам библиографического исследования первое появление термина “информационное общество” на английском языке зафиксировано лишь в 1970 г. [31, р. 6]. Вместе с тем в 1968 г. в Японии вышли книги Ё. Масуды и К. Кохиямы “Введение в теорию информационного общества”, а в 1969 г. был опубликован бестселлер Ю. Хаяси “Информационное общество: от жёсткого к гибкому обществу”, тираж которого составил не менее 100 тыс. экземпляров.

Роль основного бенефициара и честь введения в научный оборот термина “информационное общество” исследователи отдают М. Игараши, которая была редактором журнала “*Noso Asahi*”, опубликовавшего статью Умесао. И вот почему. Ровно через год после выхода статьи Умесао, в январе 1964 г., в том же журнале публикуются результаты дискуссии, в которой Йиро Камишима утверждал, что Япония подходит для того, чтобы стать “информационным индустриальным обществом”. М. Игараши как редактор журнала работала над выпуском текста дискуссии. Она дала название предмету обсуждения – “информационное общество” и включила его в заголовок публикации – “Социология в информационных обществах”, после чего с ноября 1964 по июль 1966 г. журнал выпустил серию статей на эту тему [31, р. 4, 5].

Таким образом, выстраивание широко распространённых сейчас концепций нового общества происходило в следующем порядке. В период 1940–1960-х годов в США разрабатываются представления и базисная система понятий теории общества знаний, причём в большей степени это является заслугой Друкера. Термин “индустрия знаний” вводит в научный оборот в 1962 г. Махлуп, а термины “общество знаний” и “экономика знаний” – в 1968 г. Друкер. Затем почти одновременно в 1960-х годах создаются концепции информационного общества (Япония) и постиндустриального общества (США, Западная Европа). Данный вывод существенно меняет представление о генезисе этих трёх основных социологических теорий XX в. Поэтому весьма проблематично утверждать, как это делают Л.Э. Миндели и Л.К. Пипия, что “исторически концепции экономики знаний и общества, основанного на знаниях, пришли на смену концепции информационного общества, которая, в свою очередь, сформировалась на основе разработок по изучению постиндустриального общества” [32, с. 118].

Основной причиной появления неаутентичных версий генезиса этих разных концепций служит весьма неоднозначная трактовка терминов “знание” и “информация”, а также их смешение. Представляется, что развитие этой семантической диффузии стимулировано появлением книги Белла “Грядущее постиндустриальное общество”, которая закрыла своей тенью более ранние и во многом более плодотворные исследования.

К сожалению, негативная роль наложения понятий “знание” и “информация” при осмыслении социальных процессов в современном обществе часто не замечается. Кроме того, встречаются и заблуждения. Например, Иноземцев утверждает, «что постиндустриальное общество неоднократно декларируется автором <Беллом> как “общество знания (knowledge society)”, при этом в книге нельзя найти примеры идентификации его, например, с “информационным обществом (information society)” ...» [33, с. xl, xli]. Однако Белл пишет: “Постиндустриальное общество является информационным обществом так же, как индустриальное общество является товаропроизводящим обществом”; “постиндустриальное общество означает... переход от товаропроизводящего общества к информационному, или обществу знаний”; “информация становится главным ресурсом”, “то, что подсчитывается, является не грубой мускульной силой или энергией, но информацией” [9, р. 127, 128, 467, 487].

Следует иметь в виду, что Белл определяет именно постиндустриальное общество, используя для характеристики его свойств термин “общество знаний”, то есть в том же предикативном смысле, в котором он идентифицирует постиндустриальное общество как демократическое и капиталистическое общество, или общество услуг и, конечно же, как информационное общество. И весь этот предикативный ряд испытывает наложение, порождая двусмысленности.

Демаркация между понятиями “информация” и “знание”, особенно “научное знание”, является принципиально важной задачей в современных социологических, экономических и социально-философских исследованиях. Предпринимаемые попытки определить отличия на уровне структуры или абстрактности содержания вряд ли будут успешны, поскольку не бывает информации бесструктурной, а такой абсолютно информационный объект, как медиа-сообщение, сегодня может нести в себе сколь угодно большой объём абстрактных содержаний. Кроме того, даже те объекты, по которым существует консенсус относительно информационного свойства, обладают существенными отличиями по их роли в разделении труда, по характеру включающего их труда и по их значению для самого труда.

Поскольку научные знания играют определяющую роль в социокультурном и экономическом развитии современного общества, их понятийное

выделение из совокупности символических систем является необходимым условием для аутентичности результатов исследования процессов производства знаний, проблем развития общества и образования. Научное знание есть знание, полученное в результате деятельности науки, которое кодифицируется в научных источниках, циркулирует в научных коллективах и входит в содержание научного образования. Наиболее известные свойства того, чем не обладает информация, но обладает знание, — это его деятельностный характер и способность порождать новое знание. Именно это определяет анализ общества как общества знаний.

Без правильного понимания истоков теорий трудно ориентироваться в настоящем обществе, трудно осмыслить его и определить движение к социально новому, к тому новому, к которому мы движемся, но всё ещё находимся в начале пути. По данным отчёта Всемирного банка, Россия занимает 55-е место в индексе экономики знаний, впереди — Катар, Коста-Рика, Малайзия [34].

Статья подготовлена в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки России (грант № 27.1560.2014/К).

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов А.О. “Товаризация” образования против общества знаний // Вестник РАН. 2014. № 5.
2. Drucker P.F. The Age of Discontinuity: Guidelines to our Changing Society. London: Heinemann, 1969.
3. Stehr N. Knowledge Societies. Fot (Hungary), 1999. <http://www.inco.hu/inco3/kozpont/cikk0h.html> (дата обращения 5.11.2014).
4. Bell D. The Measurement of Knowledge and Technology // Indicators of Social Change: Concepts and Measurements / Ed. by Sheldon E.B., Moore W.E. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1968.
5. Godin B. The Knowledge Economy: Fritz Machlup's Construction on a Synthetic Concept. Montreal, 2008. www.csiic.ca/pdf/godin_37.pdf (дата обращения 12.11.2014).
6. Макаров В.Л. Экономика знаний: уроки для России // Вестник РАН. 2003. № 5.
7. Москалёв И.Е. Качественные характеристики социальных изменений в контексте общества знания // Концепция “общества знания” в современной социальной теории. М.: ИНИОН РАН, 2010.
8. Lane R.E. The Decline of Politics and Ideology in a Knowledgeable Society // American Sociological Review. 1966. V. 31. № 5.
9. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y.: Basic Books, 1976.
10. Krings B. The sociological perspective on the knowledge-based society: assumptions, facts and visions // Enterprise and Work Innovation Studies. Monte de Caparica: IET, 2006.
11. Stehr N. Knowledge Societies. London: Sage, 1994.
12. Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton: Princeton University Press, 1972.
13. Druker P.F. Landmarks of Tomorrow. A Report on the New “Post-Modern” World. N.Y.: Harper, 1996.
14. Rule J.B., Besen Y. The once and future information society // Theory and Society. V. 37. № 4. Dordrecht: Springer Netherlands, 2008.
15. Rabo A. Knowledgeable society a priority: Fiji First // Newsteam, 2014 (August 13). <http://fijione.tv/knowledgeable-society-a-priority-fiji-first> (дата обращения 05.11.2014).
16. Уэбстер Р. Теории информационного общества / Перевод с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной. М.: АспектПресс, 2004.
17. Umesao T. Information Industry Theory: Dawn of the Coming Era of the Ectodermal Industry // Hoso Asahi. Tokyo: Asahi Hoso, 1963. Jan.
18. Porat M.U. The Information Economy. Washington: U.S. Department of Commerce. Office of Telecommunication, 1977.
19. Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999.
20. Drucker P.F. The Future of Industrial Man. Piscataway: Transaction Publishers, Rutgers The State University, 2009.
21. Drucker P.F. The New Society. The Anatomy of Industrial Order. N.Y.: Harper, 2010.
22. Ефременко Д.В. Концепция общества знания и её оборотная сторона // Концепция “общество знания” в современной социальной теории. М.: ИНИОН РАН, 2010.
23. Друкер П. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего быстро меняющегося общества / Перевод с англ. Б.Л. Глушакова. М.: Изд. дом “Вильямс”, 2007.
24. Drucker P.F. The Effective Executive: The Definitive Guide to Getting the Right Things Done. N.Y.: HarperCollins, 2006.
25. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005.
26. Drucker P.F. Concept of the Corporation. Piscataway: Transaction Publishers, Rutgers — The State University of New Jersey, 2008.
27. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Перевод с англ. Б.Э. Верховского, Д.А. Тищенко, А.Н. Субочева. М.: ГУВШЭ, 2000.
28. Карпов А.О. Социокогнитивная структура и образование в обществе знаний // Общество и экономика. 2013. № 11–12.
29. Machlup F. Knowledge: Its Creation, Distribution and Economic Significance. V. I: Knowledge and Knowledge Production. Princeton: Princeton University Press, 2014.
30. Karvalis L.Z. Information Society Dimensions. Szeged: JATEPress, 2010.
31. Duff A.S. Information Society Studies. Abingdon: Routledge, 2013.
32. Миндели Л.Э., Пипия Л.К. Концептуальные аспекты формирования экономики знаний // Проблемы прогнозирования. М.: ИНП РАН, 2007.
33. Иноземцев В.Л. Постиндустриальный мир Д. Белла // Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004.
34. KEI and KI Indexes (KAM 2012). info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp (дата обращения 24.11.2014).